

— Старик, где серебро за этот месяц?

— Ну... давай ещё немного подождём. Вдруг просто запамятовали...

— Запамятовали?! Да ты сам всё прибрал к рукам, старый пёс!

Лю Мухань сидел на пороге покосившегося дровяника, служившего ему пристанищем. В руках он держал заношенную, покрытую заплатками рубаху, усердно зашивая дыру, которую только что продрал о сучок.

Дядя Ван со своей старухой лаялись чуть ли не через день. Поначалу Лю Муханя пугала эта вечная ругань, но со временем он привык и перестал обращать на неё внимание.

К тому же в его пространственном хранилище хранился надёжный запас еды. Если дядя Ван забывал покормить мальчишку — а такое случалось нередко, — Мухань просто доставал свои припасы. По крайней мере, голодная смерть ему больше не грозила.

Оторвавшись от шитья, мальчик украдкой взглянул на бранящихся стариков. На его детском лице промелькнуло недоумение: в последние месяцы они ссорились постоянно, причём гораздо яростнее, чем тогда, когда он только появился в усадьбе.

Время летело незаметно. Миновало уже два года с тех пор, как Лю Мухань оказался в Малом загородном поместье. Кормили его и здесь из рук вон плохо — перепадало от случая к случаю, — но это всё равно не шло ни в какое сравнение с прежней, полной кошмаров жизнью в ордене Свободного скитания.

За это время он вытянулся, разменял первый десяток и, вопреки всем лишениям, заметно окреп.

— Эй! Иди сюда, — негромко окликнул его Ван Тянь, высунувшись из-за угла и маня рукой.

Мухань покосился на продолжавшую голосить челядь, поднялся с порога и накинул залатанную куртку. Он аккуратно уложил иголку с нитками в лукошко, убрал его в дровяник, притворил скрипучую дверь и направился к приятелю.

— Ну и копуша же ты, — недовольно поморщился Ван Тянь.

Мухань лишь молча взглянул на него снизу вверх. За два года он успел досконально изучить нрав этого мальчишки. Если сравнивать с жестоким Лю Муфэном, с Ван Тянем вполне можно было ладить.

Ван Тянь фыркнул, глядя на него свысока:

— Дед опять велел мне колоть дрова. Иди поработай за меня. Если всё сделаешь на совесть, я так и быть не проболтаюсь, что ты подглядываешь, когда дед тренируется.

— Хорошо, — кивнул Мухань.

Подобное происходило уже не впервые, так что наглый тон Ван Тяня ничуть не задел мальчика. Тот ответил совершенно спокойно.

И дело было вовсе не в страхе перед чужими угрозами. Просто как-то раз Мухань подслушал слова дяди Вана: тот заставлял внука колоть дрова, чтобы укрепить его тело и подготовить к изучению боевых искусств. Старик утверждал, что у Ван Тяня нет врождённого таланта, чтобы развить внутреннюю энергию, да и терпением тот не отличался, а потому не мог постигать азы классическим путём. Зато усердный труд с колуном развивал силу рук и глазомер — незаменимые навыки для будущих кулачных боёв.

Разумеется, ленивый Ван Тянь терпеть не мог махать топором. А когда дядя Ван начал показывать им простейшие приёмы, Мухань стал подглядывать из укрытия. Ван Тянь застукал его и тут же нашёл применение этой тайне: заставил Муханя колоть дрова вместо себя под угрозой разоблачения. И вот уже целый год Мухань послушно брался за топор.

Впрочем, получая желаемое, Ван Тянь больше не задира сироту. Напротив, когда у него самого водились лакомства, он порой делился ими с Муханем.

Припасы в пространственном хранилище Муханя состояли не только из диких плодов и кореньев, собранных на склонах гор, но и из подношений Ван Тяня. Иногда тот приносил сладкие пирожки, а порой — крошечный кусочек вяленого мяса. Ван Тянь был жадноват, но когда получал от деда карманные деньги, любил похвастаться перед деревенскими ребятами: покупал гору сладостей и раздавал по кусочку каждому приятелю. Муханю перепало редко — хорошо если раз из десяти, — но мальчик не обижался.

Он и этому был несказанно рад. Когда на душе становилось совсем тоскливо, Мухань доставал из своего тайника заветное лакомство, и сладость на языке мигом прогоняла любую грусть.

За год безотказной работы Мухань полностью заслужил доверие ленивого приятеля. Вот и сейчас Ван Тянь широким, барским жестом бросил ему медную монетку и припустил к воротам, спеша на улицу к друзьям.

Сжав в кулаке одну-единственную монету, Мухань мягко улыбнулся. Он бережно спрятал её в потайной карман и лишь после этого зашагал к поленнице.

Дрова для тренировок Ван Тяня подбирались особые — не слишком толстые и податливые,

чтобы изнеженный барчук не переутруждался. Да только махал топором вовсе не внук управляющего, а бесправный сирота.

Год упорного труда принёс свои плоды. Если раньше Мухань возился у колоды до глубокой ночи, то теперь управлялся за одну стражу. Он двигался легко, без прежней изнуряющей усталости; ушли в прошлое те дни, когда он засыпал свинцовым сном, изнывая от ломоты в пояснице и плечах.

Мальчик мерно опускал колун, полностью сосредоточившись на работе, и не слышал, как на другом конце двора крики стариков переросли в настоящую бурю.

Когда с охалками дров было покончено, он вернулся к своему жилищу и застыл. Прямо на сырой земле у порога дровяника громоздилась куча хлама.

Рядом хмуро стоял дядя Ван. Взглянув на сироту, он тяжело вздохнул и глухо произнёс:

— Уходи, второй молодой господин. Из ордена больше не присылают серебро на твоё содержание. Наше Малое загородное поместье не может кормить лишний рот. Мир велик, ступай. За порогом этой усадьбы тебя наверняка ждёт лучшая доля.

Мухань опустил взгляд на свои пожитки. Смехотворное богатство: несколько заношенных рубах в заплатах да кучка тряпья, которое он собирал по всему поместному двору.

Под этим спокойным, не по-детски проницательным взором старому управляющему стало не по себе. Стыд кольнул сердце, но жалость была непозволительной роскошью для слуги.

— Твоё одеяло и тюфяк принадлежат Малому загородному поместью, — оправдываясь, добавил старик. — То, что мы отдаём тебе эту одежду — уже величайшая милость.

Мухань не почувствовал ни злости, ни обиды. Ещё покидая орден Свободного скитания, он понимал, что приют в Малом загородном поместье — лишь временная передышка. Мальчик знал, что рано или поздно его вышвырнут на улицу. Он не ожидал лишь, что это случится так внезапно.

Он молча опустился на корточки, выбрал из кучи самую крепкую рубаху и завернул в неё остальные вещи и обрезки ткани. Стянув концы узлом, он поднялся, прижал нехитрый скарб к груди и зашагал к воротам Малого загородного поместья.

— И куда же ты теперь? — неожиданно окликнул его дядя Ван.

Мухань обернулся и тихо ответил:

— Под небесами много дорог. Где-нибудь да преклоню голову.

Поражённый его невозмутимостью, старик лишь покачал головой:

— Что ж... береги себя. Пожалуй, уйти отсюда для тебя и впрямь к лучшему.

— Благодарю, — негромко отозвался мальчик.

Он перекинул узел через плечо и двинулся прочь. У самой окраины Мухань помедлил и в последний раз оглянулся. Из труб жилых домов вился сизый предвечерний дымок — обитатели поместья усаживались за ужин. Жизнь здесь шла своим чередом, и исчезновение одного сироты ничего не меняло.

Никто в этом мире не уникален. Малое загородное поместье останется прежним, даже если Лю Мухань уйдёт навсегда.

— Мальчик! — раздался дребезжащий голос позади.

Мухань резко развернулся.

К нему торопливо шёл старый, совсем седой учитель. Шаги его были неверными, он покачивался при ходьбе. Приблизившись, старик дрожащими руками протянул мальчику свёрток и бережно вложил его в детские ладони.

— Слышал я, что ты покидаешь нас... — тихо проговорил учитель. — Богатств у меня нет, подарить тебе нечего. Возьми вот это. Здесь «Тысячесловие» и «Троесловие», переписанные моей собственной рукой. В дороге будь осторожен и береги себя, дитя.

Не дожидаясь ответа, старик повернулся и пошёл обратно. И странное дело — он распрямился, а походка казалась теперь удивительно лёгкой.

Мухань опустил взгляд на драгоценный подарок, крепко прижал книги к груди и с глубоким почтением поклонился удаляющейся фигуре:

— Спасибо вам... учитель.

В своей короткой жизни он натерпелся много зла, но хороших людей на его пути тоже встретилось немало. Добрым был покойный дедушка, добрым был старый лекарь из ордена Свободного скитания, добрым оказался и этот дряхлый учитель.

Лю Мухань поправил узел за спиной и зашагал прочь от ворот. Дорога уходила вдаль, петляя

среди холмов. Мальчик шёл вперёд, прижимая к груди книги, и его негромкий голосок разносился в вечерней тишине:

— При рождении все люди добры. Природа их близка, но привычки разводят их в стороны...

<http://bllate.org/book/18166/1747570>